

3. Oxford English Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Mode of access : <https://en.oxforddictionaries.com>. – Date of access : 09.05.2018.
4. Merriam-Webster's Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Mode of access : <https://www.merriam-webster.com>. – Date of access : 09.05.2018.
5. Macmillan English Dictionary [Электронный ресурс]. – Mode of access : <https://www.macmillandictionary.com>. – Date of access : 10.05.2018.
6. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Mode of access : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. – Date of access : 11.05.2018.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. К. Крапівы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://www.skarnik.by/tsbm>. – Дата доступу : 18.02.2018.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / уклад. : І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : БелЭн 2016. – 967 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / А. М. Булыка. – 2-е выд. – Мінск : Попурри, 2008. – 519 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / А. Я. Баханькоў, І. М. Гайдукевіч, П. П. Шуба. – Мінск, 2000. – 413 с.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / А. Я. Абрамовіч, Б. І. Рэmez. – Мінск : Сучас. слова, 2003. – 446 с.
12. *Стернин, И. А.* Словарные дефиниции и семантический анализ [Электронный ресурс] / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж : «Истоки», 2017. – Режим доступа : http://www.sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Slovarnye_definicii_i_semanticheskij_analiz.pdf. – Дата доступа : 16.05.2018.

The paper deals with emotive lexemes and the ways they are defined in English and Belarusian dictionaries. Similarities and differences in the use of different types of definitions are shown.

Т. П. Ключенович (*Мінск, МГЛУ*)

ГЛАГОЛЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В БЕЛОРУССКОЙ И БРИТАНСКОЙ РЕМАРКЕ

В статье рассматриваются глаголы воздействия в составе авторской ремарки на материале современной белорусской и британской художественной прозы. Выделяются глаголы неречевого и речевого воздействия с последующим делением последней подгруппы на глаголы с речевым текстуальным значением и глаголы с неосновным значением речи. Автор формулирует выводы, согласно которым, во-первых, глаголы воздействия проявляют более высокую частотность в белорусской ремарке; во-вторых, отличаются различными прагматическими оттенками в рассматриваемых дискурсах. На основании полученных данных определяется различная прагматическая направленность белорусской и британской ремарки. Результаты исследования также рассматриваются в аспекте взаимосвязи языка и национального менталитета белорусских и британских авторов как представителей различных лингвокультур.

Конструкции с ЧР (чужая речь) по своей природе являются бинарными и, как следствие, предполагают наличие двух авторов и двух компонентов. Основными компонентами конструкций с ЧР являются следующие:

- Р е п л и к а – высказывание исходного говорящего (персонажа);
- Р е м а р к а – слова актуального говорящего (автора конструкции с ЧР), которые призваны вводить и комментировать реплику [4; 11; 15].

Чужая речь представляет собой сложный лингвистический феномен, что предполагает необходимость его рассмотрения в различных аспектах с учетом тесной взаимосвязи последних. Настоящее исследование проводится на материале современного художественного дискурса и имеет своей целью выявление лексико-семантических характеристик ремарки, определение ее прагматической направленности, а также рассмотрение полученных результатов с точки зрения взаимосвязи языка и особенностей национального менталитета белорусской и британской лингвокультур.

В рамках исследования лексико-семантических характеристик ремарки анализ глаголов, вводящих реплику персонажа, представляется релевантным для выявления типичных черт ремарки и ее роли в воплощении авторского замысла в современном белорусском и британском художественном дискурсе.

Анализ лексической семантики речеводных глаголов проводился в два этапа (первичный и вторичный / дифференцированный анализ).

В результате первичного анализа выделено три основных блока глаголов, вводящих ЧР:

1. Речевые глаголы, у которых первичное лексикографическое и текстуальное значения являются речевыми.

2. Неречевые глаголы, у которых лексикографическое и текстуальное значения являются неречевыми.

3. Глаголы с неосновным значением речи, которые занимают промежуточное положение, поскольку их текстуальное значение является речевым, а лексикографическое значение может быть либо речевым вторичным, либо неречевым.

На этапе вторичного / дифференцированного анализа с целью конкретизации семантики все речеводные глаголы классифицируются на соответствующие группы с последующим делением в ряде случаев на подгруппы.

Анализ эмпирического материала показал, что из всех выделенных лексико-семантических групп речеводных глаголов, единственной группой, которая входит в состав всех трех глагольных блоков являются глаголы воздействия. При этом глаголы, относящиеся к первым двум блокам, имеют значение речевого воздействия, а глаголы, относящиеся к третьему блоку, предполагают неречевое воздействие. В результате текстового анализа в белорусской и британской ремарке обнаружены предпочтения в употреблении глаголов воздействия с различными прагматическими оттенками. С учетом полученных данных мы классифицировали глаголы со значением речевого воздействия на глаголы прямого и смягченного воздействия. Под глаголами прямого речевого воздействия мы понимаем глаголы, содержащие такие семы, как 'смирять', 'дисциплинировать', 'заставлять', 'приказывать', 'угрожать'. Глаголы смягченного речевого воздействия содержат семы 'советовать', 'просить', 'объяснять', 'ободрять', 'утешать'. Установлено, что глаголы прямого речевого воздействия преобладают в белорусской ремарке, тогда как глаголы смягченного речевого воздействия проявляют более высокую частотность в британской ремарке.

Рассмотрим примеры текстовых употреблений глаголов воздействия.

1. Глаголы речевого воздействия (блок речевых глаголов):

- – *Перакур!* – **скамандаваў** Лазавік і першы лёг на траву [27, с. 79];
- – *Пачашы мне пяткі, – гладзячы кубак, загадала ханша рабыні [...]* [23, с. 218];
- *Пятрок панура маўчаў, седзячы пры сталае [...]* слухаючы, як пляскае тоўстымі вуснамі Гуж – есць яго сала, **грозіцца** і навучае яго, як жыць з бабай [22, с.138].

К данной подгруппе относятся глаголы с речевым словарным и текстуальным значением. С целью иллюстрации выявленных различий в характере речевого воздействия мы использовали соответствующие текстовые фрагменты. Так, в белорусской ремарке выявлена тенденция к превалированию глаголов прямого речевого воздействия (*камандаваць, загадваць, грозіцца*) над глаголами смягченного речевого воздействия.

- *Then one morning, apropos of nothing, she **explains** why she reads everything that appears on TV* [29, p. 58];
- *They didn't take my views into account – no doubt they thought I'd **recommend**, Oh, call him Victor* [28, p. 80];
- *Caris waits for Louise to come out again and **beg** her to come back, but she doesn't come* [30, p. 14];
- *'Maybe not every door. Anyway, thanks very much. I hope you won't catch cold,' she said, **encouraging** him to leave* [32, p. 150].

Текстовые фрагменты иллюстрируют тот факт, что в британской ремарке отмечена противоположная тенденция: глаголы *explain* 'объяснять', *recommend* 'рекомендовать', *beg* 'умолять', *encourage* 'ободрять' являются примерами глаголов смягченного речевого воздействия. По результатам анализа такие глаголы в британском дискурсе имеют более высокую частотность по отношению к глаголам прямого речевого воздействия.

2. Глаголы речевого воздействия (блок глаголов с неосновным значением речи):

- *Разы два счачліся яны са старшынёй, [...]* але яна так **асадзіла** яго, што Заборскаму і сказаць нечага было:
- *Вы, Сямён Марцінавіч, можаце на сваю жонку крычаць, калі вам гэтага хочацца, але не на мяне* [24, с. 13];
- *Тады лейтэнант нібы снахаліўся і стаў **прыспешваць**.*
- *Лезь у машыну, кіруй, – загадаў ён танкісту* [26, p. 28];
- *'Little Sis. Is it the cousins?'*
- She wanted to **comfort** her sister...* [33, p. 44];
- *'I'll go down now,' Briony **soothed** her. 'I'll tell them you'll be a little while yet'* [33, p. 120].

Глаголы речевого воздействия с неосновным значением речи являются немногочисленной подгруппой: 0,5 % в обоих дискурсах. Так, глагол *асаджваць* в своем первичном словарном значении является неречевым ('*прымусіць рэзка спыніць, запаволіць бег*'). В плане семантической струк-

туры первичное значение глагола *асаджваць* предполагает физическое воздействие на предмет. Однако в данной ремарке путем метафоризации указанное значение преобразуется в словесное воздействие на одушевленный предмет ('*зрабіўшы рэзкую, грубую заўвагу, перапыніць каго-небудзь, прымуціць змоўкнуць*') [20, Т. 1, с. 35; 274]. Текстовые примеры также иллюстрируют тот факт, что неречевые глаголы (*прыспешваць, comfort* 'утешать, подбадривать', *soothe* 'успокаивать, утешать'), которые не фиксируют речевого значения в словаре, окказионально используются для характеристики речевой деятельности в конкретных контекстуальных условиях. Например, в словарной дефиниции глагола *to comfort* нет четкого указания на речевую деятельность. Его первичное значение – '*soothe in grief, console*' – 'утешать в горе, успокаивать' не дополняется речевыми значениями в словаре [21, р. 264]. Однако контекст показывает, что в конкретной ремарке (*She wanted to comfort her sister* 'Она хотела утешить свою сестру') этот глагол характеризует реплику исходного говорящего (*Little Sis. Is it the cousins? 'Сестричка, проблема в кузенах?'*) и предполагает вербальное утешение. В рамках анализируемой подгруппы также обращает на себя внимание преимущественный характер речевого воздействия: смягченного в британской ремарке (*comfort, soothe*) и прямого – в белорусской (*асаджваць, накідвацца, прыспешваць*). В целом частотность употребления глаголов речевого воздействия в белорусской ремарке выше, по сравнению с британской (5,5 % и 3 % соответственно) (рисунок).

3. Глаголы неречевого воздействия (блок неречевых глаголов):

- Пятрок *тузануў* за плячо Сцепаніду.

– Глядзі, ідуць! [22, с.175];

- – [...] Ну, на міравую, а?

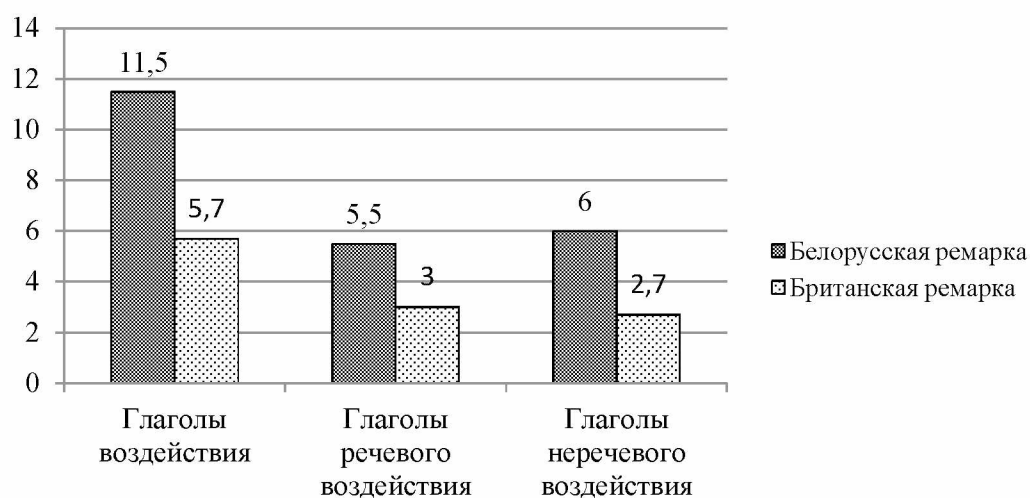
Яўхім сам узяў яе далонь, *паціснуў* [25, с. 83];

- *As we go in he touches me on the elbow. 'She's mine, okay?' he says, smiling* [29, р. 63];

- '*There's a bridge.*' *Em was pulling at her jacket, pointing her up the river* [31, р. 27].

Глаголы выделенной подгруппы являются неречевыми как в словарном, так и в текстуальном значении. Они используются автором не для характеристики речевой деятельности, а с целью прокомментировать некоторое действие, сопутствующее говорению, в частности, физическое воздействие на другое лицо. Таковыми являются глаголы в представленных выше текстовых фрагментах. Обращают на себя внимание конкретизаторы при глаголах физического воздействия, которые являются дополнительными маркерами того, что глаголы в данных контекстах используются в неречевом значении. Например, *тузануць за плячо, паціснуць далонь, touch on the elbow* 'трогать за плечо', *pull at her jacket* 'дергать за пиджак'. По результатам анализа, частотность употребления глаголов физического воздействия заметно выше в белорусской ремарке, по сравнению с британской (6 % против 2,7 %) (см. рис.).

С целью наглядного отображения представленности глаголов воздействия в рассматриваемых дискурсах изобразим данные, полученные в результате анализа, графически.

Представленность глаголов воздействия в белорусской и британской ремарке

Несмотря на то, что выявленные этнолингвистические различия в использовании глаголов воздействия в белорусской и британской ремарке являются не столь значительными, мы усматриваем здесь некоторую закономерность. Прежде всего, столбцы диаграммы иллюстрируют в целом более высокую частотность употребления глаголов воздействия в белорусском дискурсе по сравнению с британским: а именно, частотность их употребления в белорусской ремарке примерно вдвое выше (11,5 % против 5,7 %). Обозначенная тенденция прослеживается как в отношении глаголов речевого воздействия (5,5 % против 3 %), так и отношении глаголов неречевого воздействия (6 % против 2,7 %).

С точки зрения прагматики выявленная специфика отражает тот факт, что белорусская ремарка в большей степени ориентирована на эффект воздействия на адресата. Посредством глаголов воздействия актуальный говорящий выступает **соавтором** чужого высказывания. Он передает не просто факт говорения, но также и характер воздействия, оказываемый посредством реплики, вскрывая тем самым отношение и намерения персонажа и позволяя своему голосу доминировать в рамках конструкций с ЧР.

С учетом тезиса о взаимосвязи языка и национальной культуры [1; 2; 5; 6; 9; 13; 14; 16; 17; 19], в качестве факторов, обуславливающих выявленные лингвистические предпочтения, мы использовали национально-культурные доминанты рассматриваемых этнических групп. Так, в соответствии с данными культурологических исследований для представителей белорусского

этноса типичными чертами являются участие и сердечность [8; 10; 12], которые, на наш взгляд, могут обуславливать установленное предпочтение к употреблению глаголов воздействия в ремарках. Национально-культурной доминантой белорусского народа является также открытость в отношениях с людьми, которая, вполне вероятно, проявляется в отчетливом превалировании глаголов прямого воздействия над глаголами смягченного воздействия.

В британской ремарке сравнительно низкая частотность употребления глаголов речевого воздействия, а также определенное предпочтение глаголов смягченного речевого воздействия являются отражением принципа невмешательства и глубокого уважения британцев к праву на частную жизнь [17; 18]. Невысокая частотность глаголов неречевого воздействия в рамках британской ремарки обусловлена, на наш взгляд, такими национально-культурными принципами, как дистанцированность, *contact-avoidance* 'избежание контакта' [17] и *do not touch* 'не тронь меня' [7]. Как зарубежные, так и отечественные исследователи соглашаются в том, что для британцев физический контакт считается нежелательным и противоестественным [7, 16, 17]. В данной связи представляет интерес наблюдение российского исследователя А. А. Джигоевой о том, что при общении англичане гораздо меньше упоминают все, что связано с телом [7], что вполне может объяснять осторожность британских авторов в использовании глаголов физического воздействия.

С прагматической точки зрения выявленная специфика в употреблении глаголов воздействия в рамках британской ремарки свидетельствует о том, что британский автор, сохраняя дистанцию, выступает в роли **наблюдателя** и с осторожностью комментирует чужое высказывание. Полученные выводы свидетельствуют о сравнительно невысокой степени релевантности британской ремарки в составе бинарных конструкций с ЧР, а также о том, что в ситуации полифонии двух звучащих в одной синтаксической конструкции голосов [3] британские авторы не стремятся доминировать над исходным говорящим (персонажем).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира: избр. тр. / Ю. Д. Апресян. – М., 1986. – Вып. 28: Семиотика и информатика. – С. 5–33.
2. *Бартминьский, Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 527 с.
3. *Бахтин, М. М.* Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1986. – 543 с.
4. *Богова, М. Г.* Структурно-семантические, прагматические и оносемасиологические особенности конструкций с чужой речью в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / М. Г. Богова; Киевский гос. пед. ин-т иностр. яз. – Киев, 1985. – 20 с.
5. *Вежбицкая, А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М. : Яз. слав. культуры, 2001. – 272 с.
6. *Гумбольдт, В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

7. *Джиоева, А. А.* Английский менталитет сквозь призму языка: концепт «Privacy» / А. А. Джиоева // Вестн. МГУ. – Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 41–59.
8. *Дубянецкі, Э. С.* Беларускі нацыянальны характар: спробы даследавання / Э. С. Дубянецкі // Адукацыя і выхаванне. – 1995. – № 5. – С. 29–39.
9. Медиатекст и культура / под ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2015. – 196 с.
10. *Кириенко, В. В.* Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В. В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 319 с.
11. *Максимова, Н. В.* Чужая речь как коммуникативная стратегия: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Максимова. – СПб., 2006. – 354 л.
12. *Романовская, Е. И.* Белорусы сквозь призму восточной культуры / Е. И. Романовская // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы междунар. науч. конф., Минск, 2–3 окт. 2015 г. / редкол: Н. В. Фурашова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2016. – С.172–175.
13. *Супрун, А. Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.
14. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 262 с.
15. *Чумаков, Г. М.* Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Г. М. Чумаков; Днепропетров. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения с Россией. – Днепропетровск, 1977. – 48 с.
16. *Шестаков, В. П.* Английский акцент: английское искусство и национальный характер / В. П. Шестаков. – М. : РГГУ, 2000. – 192 с.
17. *Fox, K.* Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour / K. Fox. – London: Hodder and Stoughton, 2004. – 424 p.
18. *Paxman, J.* The English: A Portrait of a People / J. Paxman. – London: Penguin Books, 2007. – 320 p.
19. *Wierzbicka, A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality / A. Wierzbicka. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. – 349 p.

СЛОВАРИ

20. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / рэдкал. : К. К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.
21. The Concise Oxford Dictionary of Current English / ed. : D. Thompson; 9-th edition. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 1673 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

22. *Быкаў, В.* Балота. Знак бяды: аповесці / В. Быкаў. – Мінск : ГА БТ «Кніга», 2001. – 496 с.
23. *Дайнека, Л.* След ваўкалака: раман / Л. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 2001. – 348 с.
24. *Кудравец, А.* Сачыненне на вольную тэму. Раданіца: Раман. Аповесць / А. Кудравец. – Мінск : Юнацтва, 1994. – 319 с.
25. *Мележ, І.* Людзі на балоце: раман / І. Мележ. – Мінск : Мастац. літ., 1991. – 400 с.
26. *Чыгрынаў, І.* Плач перапёлкі: раман / І. Чыгрынаў. – Мінск : Мастац. літ., 1978. – 304 с.
27. *Хомчанка, В.* Выбраныя творы: у 2 т / В. Хомчанка. – Мінск : Мастац. літ., 1979. – Т. 1: Аповесць, апавяданні. – 464 с.
28. A New Book of Contemporary British Stories / ed. K. Hawitt. – Oxford: Perspective Publications, 2005. – 148 p.
29. Contemporary British Stories / ed. K. Hawitt. – Oxford: Perspective Publications, 1994. – 231 p.
30. *Darling, J.* The Taxi Driver's Daughter / J. Darling. – London: Penguin, 2004. – 264 p.

31. *Freud, E. The Sea House.* / E. Freud. – London: Penguin, 2004. – 279 p.
32. *Lodge, D. Nice Work* / D. Lodge. – London: Penguin, 1989. – 384 p.
33. *McEwan, I. Atonement* / I. McEwan. – London: Vintage 2007. – 376 p.

The article is devoted to a comparative study of the verbs of impact within the author's remark in modern British and Belarusian fiction; examples are provided. The analysis reveals that the verbs under study show different frequency as well as different pragmatic characteristics in British and Belarusian discourse. The results are presented in the aspect of language and national culture interaction.

Т. А. Козлова (Минск, МГЛУ)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИСТЕМО-СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ

В статье рассматривается категория *моральных качеств* в английском языке, особенности определения языковых средств ее репрезентации с точки зрения ономаσιологического подхода, указываются трудности использования лексикографических описаний в выявлении лексем, относящихся к категории *моральные качества*. В статье обозначается проблема структурирования и систематизации единиц, репрезентирующих данную категорию, в частности, проблема выделения ядра и периферии, проводится параллель с религиозными ценностями и антиценностями.

Интерес к изучению организации лексики в языке в XX в. породил большое количество работ, посвященных полевому строению языка. За это время выдвигались различные точки зрения насчет того, что представляет собой семантическое поле, какова его структура, предлагались различные подходы к его изучению [1]. В литературе соотношение категорий *структура* и *система* рассматривается различными авторами [1; 2; 3; 4], указывается, что данные термины не являются взаимозаменяемыми и представляют собой различные способы организации отношений между элементами. Так, отмечается, что *система* включает в себя элементы некоторого объекта и представляет собой сеть связей между ними, это результат абстракции наблюдаемых отношений на парадигматическом уровне. Под *структурой* понимается совокупность внутрисистемных связей, внутренняя организация, упорядоченность объекта. Структура, в отличие от системы, не учитывает сами элементы объекта [4, с. 26].

Одним из основных подходов при изучении полевого строения языка является *ономаσιологический*, который предполагает исследование того, какие языковые средства используются для выражения какого-либо понятия, т.е. определяется связь одного понятия с несколькими словами. По мнению Г. С. Щура, этот подход вскрывает особенности функционирования языка и имеет прямое отношение к речевой практике индивида [1, с. 107, 110].